

Размышления над книгой

И. И. МОЧАЛОВ

«ЕСЛИ НЕ ДЛЯ НАС, ТО ДЛЯ РОССИИ...»
(о «Дневниках» В. И. Вернадского)*



В 1994 и 1998 гг. Комиссия по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского и Центральная научная библиотека им. В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины совместно с Архивом Российской академии наук издали в двух книгах дневники В. И. Вернадского (1863–1945), которые он вел с октября 1917 г. по март 1921 г. Вторая книга должна была выйти в свет вскоре после первой, но финансовые трудности этому помешали, и она была подписана к печати только в феврале 1998 г. (на титуле книги ошибочно указан 1997 г.).

Более 120 лет назад, 1 января 1877 г., в жизни учащегося пятого класса Петербургской гимназии Володи Вернадского произошло важное событие. В этот день на первой странице ученической тетради он записал: «Я хочу вести аккуратно один год мой дневник, чтобы потом, посмотрев, вспомнить счастливую жизнь моей молодости» [1]. Этот один год растянулся без малого на 70 лет. Свою последнюю за-

пись тяжело больной академик продиктовал секретарю-референту А. Д. Шаховской в Москве 24 декабря 1944 г., а в начале 1945 г. Вернадского не стало...

Дневники Владимира Ивановича 1877–1944 гг. — ценнейшие исторические документы, вместившие в себя тысячи имен, дат, событий. В них отобразились, временами причудливо переплетаясь между собой, все основные направления научных, философских, социальных, религиозных и иных исканий автора, его размышлений о мире и себе самом. В интимно-личностном преломлении дневники отразили также и сложную эволюцию, и духовные поиски русской демократической интеллигенции конца XIX — первой половины XX вв.

Записи дневникового характера более или менее систематически велись Вер-

* В. И. Вернадский. Дневники: 1917–1921. — Составители М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Отв. редакторы К. М. Сытник, Б. В. Левшин. — <Кн. 1>. Октябрь 1917 — январь 1920. — Киев: Наукова думка, 1994. — 272 с., илл. <Кн. 2>. Январь 1920 — март 1921. — Киев: Наукова думка, 1997 <1998>. — 328 с., илл.

надским не только в специальных тетрадках, но и в записных книжках, блокнотах, нередко делались по случаю на отдельных листках. Поэтому столь сложно учесть их общий объем. Составители издания называют цифру, превышающую 100 печатных листов (Кн. 2, с. 4).

Рукописи дневников В. И. Вернадского, хранящиеся главным образом в академических архивах Москвы и отчасти Киева, стали использоваться исследователями его жизни и творчества с начала 1960-х гг. Вскоре в периодической печати, сначала в журналах («Природа», «Новый мир», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «Огонек» и др.), а затем в газетах («Комсомольская правда», «Советская культура», «Труд», «Литературная газета...») появились публикации отдельных дневниковых записей с соответствующими, естественно, краткими комментариями и примечаниями. В той или иной степени они подготовили почву для широкого представления рукописей — прорыва, осуществленного нынешним изданием дневников 1917–1921 гг.

Суть этого прорыва состоит в том, что *впервые* за полувековую историю «вернадсковедения» осуществлена *научная* публикация дневников за определенный, по времени и месту строго очерченный, период жизни их автора. Благодаря тому что за дело взялись профессионалы — молодые историки-архивисты высокой квалификации, достигнут в целом вполне удовлетворительный результат. Содержательны комментарии (излишне скромно обозначенные как «примечания») М. Ю. Сорокиной, С. Н. Киржаева, А. В. Мемелова. Они привлекают значительный, еще не вошедший в научный обиход материал рукописных собраний России, а также Бахметевского архива Колумбийского университета США. Самая значительная (примерно 3/4) часть работы по комментированию выполнена научным сотрудником Архива РАН М. Ю. Сорокиной. Издание снабжено серией указателей: аннотированным именовым; географических названий; учреждений и организаций; периодических и продолжающихся изданий; принятых сокращений. У истоков издания стояла старейшая исследовательница наследия В. И. Вернадского, лично знавшая его по совместной работе, Валентина Сергеевна Неаполитанская (1907–1998).

Непременный признак научности издания рукописей — *полнота* охвата исходного материала. К сожалению, в этом отношении ответственным редакторам и составителям можно предъявить определенные претензии. Дело в том, что в 1920–1921 гг. и в последующее время, наряду с основным дневником, составившим содержание настоящего издания, Вернадский вел *параллельный дневник*, в который заносил свои размышления главным образом философского, историко-научного, религиозно-этического и т.п. характера (см. [2]). Часть этого дневника, но очень незначительная, была опубликована (см. [3, с. 411; 4, с. 294] и др.). Кроме того, аналогичные размышления, относящиеся к этому же времени, встречаются также и в *записных книжках* (см. [5]). На мой взгляд, следовало бы провести дополнительный архивный поиск и выделить эту побочную линию дневника в самостоятельный раздел либо найти ей место в ряду основных записей, тем более что и они отнюдь не лишены подобного рода размышлений.

Работу над комментариями, безусловно, желательно было бы продолжить. В них встречаешь досадные огрехи. Некоторые пояснения слишком кратки либо их вовсе нет, другие, напротив, перегружены излишними подробностями, иногда имеющими весьма отдаленное отношение к тексту. Впрочем, в этом отдают себе отчет и сами составители, которые справедливо отмечают, что «полноценное комментирование текстов Вернадского — перспектива будущих специальных исследований» (Кн. 1, с. 10).

Особо следует остановиться на предисловии («От составителей») ко 2-ой книге дневников. Некоторые его тезисы представляются весьма спорными либо фактически неверными. (Как мне стало известно, В. С. Неаполитанская в работе над предисловием участия не принимала и с его содержанием ознакомлена не была.)

«Ученый и общественный деятель, В. И. Вернадский был *одинаково* признан в царской России и в Советском Союзе», — утверждается в предисловии (Кн. 2, с. 3. Курсив мой. — И. М.). Лукавое «одинаково» основательно затемняет реальное положение дел, — то, что имело место в действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно поставить вопрос: чего *не было* в отношении Вернадского как ученого и общественного деятеля в царской России из того, что, напротив, *было*, нередко в избытке, в Советском Союзе?

Ограничусь немногим, опуская детали: в царской России Вернадского *не* преследовала буквально по пятам свирепая цензура; «философы» *не* выливали на него ушаты помоев; ему *не* приходилось стучаться в чиновничьи двери и доходить до самых верхов, выбивая разрешение на зарубежную поездку; ему *не* ставились препоны при разработке тех научных направлений, тем и проблем, заниматься которыми он считал нужным; его прямые ученики, как и его коллеги и друзья, *не* подвергались репрессиям и *не* подводились под расстрельные статьи, их *не* заточали в тюрьмы и лагеря, *не* пытали и *не* убивали... Всего этого и многого другого *не было* в царской России, но, увы, этого *было* предостаточно в Советском Союзе. Конечно, подлинно научная среда и представлявшие ее отечественные ученые, независимо от менявшихся социальных систем и условий, признавали, понимали и ценили Вернадского, но ведь не они одни «делали погоду». Не случайно, живя в царской России, Вернадский никогда не задумывался об эмиграции, если не считать романтических юношеских мечтаний «уехать в тропики», которые вскоре были оставлены. Напротив, по изданным дневникам 1917–1921 гг. видно, что мысль об эмиграции уже в это время не оставляла Вернадского, понимавшего, к какой трагической развязке движется Россия, а с 1922 г. — года образования Советского Союза — он начинает предпринимать также и практические шаги в этом направлении.

Далее: «Вернадского цитируют политики и государственные деятели самого высокого ранга — вплоть до *президентов*, на него ссылаются публицисты, писатели, *актеры* и т.п.» (Кн. 2, с. 3. Курсив мой. — И. М.). В действительности не известно ни одного случая, чтобы Вернадского цитировал кто-нибудь из президентов — ни наших, ни чужих. Однажды, правда, его процитировал М. С. Горбачев, но до президента тогда ему было еще далеко. Что касается актеров, — что ж, не исключено, что нечто подобное и было...

Еще: «Историка не может не настораживать та легкость, с какой Вернадского вписывали и вписывают <...> в творимые на наших глазах *мифы* о русском “научном андерграунде” и “репрессированной науке”» (Кн. 2, с. 3. Курсив мой. — И. М.). Касательно русского «научного андерграунда» (в кавычках), можно согласиться, что это действительно миф, к Вернадскому тем более не имеющий никакого отношения. Другое дело — *репрессированная наука* (без кавычек). Увы, это далеко не миф, а вполне реальное порождение советской тоталитарной системы, имеющее к Вернадскому самое прямое отношение. Ценность его дневников 1917–1921 гг. мне видится также и в том, что они дают богатый материал для понимания того, как конкретно в условиях России происходило на ранних стадиях становление этого феномена.

Наконец: «Фактически Вернадский сегодня “канонизирован”. Как, когда и почему общество и/или правящая элита востребуют тех или иных “национальных героев” — вопрос исследовательской программы на будущее. Ясно, что, несмотря на

огромное число публикаций, Вернадский до сих пор остается terra incognita отечественной истории» (Кн. 2, с. 3. Курсив мой. — И.М.). По поводу этих рассуждений я заметил бы следующее. Во-первых, Вернадский действительно «канонизирован» — так же, как вполне закономерно, нередко даже стихийно, в той или иной степени «канонизируются» с течением времени (иногда — еще при жизни) все крупные творцы культуры, которых принято называть классиками, — ученые, философы, писатели..., жизнь и творчество которых служат современникам и потомкам потенциально неисчерпаемым источником духовного обогащения и развития, а также не в последнюю очередь — нравственным примером. Во-вторых, уж к кому-кому, а к Вернадскому ироничное имя «национальный герой» — ни впрямую, ни косвенно, ни даже совсем «по касательной» — ну никак не подходит. Бестактность очевидная, трудно объяснимая... В-третьих, совершенно непонятен, хотя и звучит красиво, последний тезис относительно terra incognita, хотя самим авторам он и представляется «ясным». Логическая его противоречивость лежит на поверхности. В сущности, сами же составители собственной работой над дневниками Вернадского, предварительные результаты которой, кстати, ранее уже отражались в печати, ставят под вопрос это странное утверждение.

* * *

Свою первую запись в дневнике 54-летний В. И. Вернадский делает в Петрограде 9 октября 1917 года (по старому стилю) (Кн. 1, с. 11–13), когда судьба неожиданно вознесла его на самую вершину российского политического олимпа. В это время он, один из признанных лидеров Конституционно-демократической партии, с весны 1917 г. является членом Временного правительства — председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, а с лета этого года — также и товарищем министра народного просвещения. В его ведении находились вопросы агрономии и организации агрономической службы, сельскохозяйственного образования, фундаментальной и прикладной науки, деятельности Российской академии наук и высшей школы. Последняя запись, сделанная на железнодорожном вокзале г. Курска по пути из Симферополя в Москву, датирована 3 марта 1921 г. (по новому стилю) (Кн. 2, с. 128–129). Принадлежит она как бы совсем другому человеку — вышедшему из ЦК кадетской партии, президенту Украинской академии наук, фактически отстраненному от руководства Академией, отставному профессору и бывшему ректору Таврического университета, по причине политической неблагонадежности высланному из Таврии большевистским Крымревкомом.

Между этими двумя датами пролегла траектория протяженностью в три с половиной года. По дневникам достаточно четко, хотя и неполно, воспроизводятся географические точки (главные из них далее выделены курсивом), через которые проходил этот путь (города, поселки, железнодорожные вокзалы, морские порты, научные опытные станции...): *Петроград, Москва, Полтава, Миргород, Киев, Днепровская (Старосельская) биостанция, Яготин, Гоголево, Ромодан, Борисполь, Харьков, Лозовая, Ростов, Новочеркасск, Екатеринодар, Таганрог, Новороссийск, Феодосия, Ялта, Горная Щель, Симферополь, Салгирская плодовая станция, Севастополь, Севастопольская биостанция, Мелитополь, Александровск, Синельниково, Панютино, Белгород, Курск.*

Между этими точками нет только односторонней линейной связи, нередко она является дву- и многосторонней, так как в некоторые из них (Полтава, Киев, Харьков, Ростов, Лозовая и др.) в разные моменты автор дневников возвращается два и более раз. Внешне создается впечатление хаотического перемещения. Но, разуме-

ется, это не так. За видимостью царства слепого случая скрыты глубокие исторические и личные коллизии, всплески страстей и сознательное стремление к цели, борьба с ожидаемыми и неожиданными препятствиями, напряжение воли и, наконец, самое главное, составляющее смысл и основу всего, — *творчество и еще раз творчество*: разработка проблем биогеохимии, учения о биосфере, планетарной и космической роли живого вещества, организация Украинской академии наук и ее библиотеки, создание комиссий по изучению естественных производительных сил Украины и Крыма, исследовательская работа под Киевом (Днепровская биостанция) и Симферополем (Салгирка)...

К настоящему времени эти три с половиной года жизни и творчества Вернадского изучены достаточно детально [6–8]. Дневники, которые велись в сложнейшей, постоянно менявшейся обстановке борьбы противоположных социальных сил, переросшей в жесточайшую гражданскую войну, естественно, вносят в уже известное и изученное нечто существенно новое, расширяют диапазон нашего видения этого периода жизни их автора, уточняют многие детали, дополняют их новыми. Значимость ведшихся записей понимал сам Вернадский. «Хочется записывать, — признавался он, — и в то же время нет времени и энергии. А между тем сознаешь ценность таких записей, если они не погибнут в пылу событий» (Кн. 2, с. 105). И, право же, когда перелистываешь последнюю страницу дневников, невольно думаешь, что когда-нибудь и они смогут послужить источником для еще одного «Тихого Дона» в его, так сказать, академически-интеллигентской аранжировке.

Историческое, социально-философское, автобиографическое содержание дневников очень разнообразно и разнопланово, и даже бегло изложить его не представляется возможным. В дневниках, однако, нашел отражение ряд сюжетов, которые являются для них ключевыми, задают их основную тональность, выражают их главный социальный, нравственный и психологический пафос. На некоторых из них целесообразно остановиться подробнее.

Кризис ожидаемый и неожиданный. Петроградская часть дневников охватывает октябрь–ноябрь 1917 г. В. И. Вернадский — во Временном правительстве. Он весь погружен в деловую — политическую, научную, организационную — жизнь. Временами кажется, что он так захвачен работой, что ничего не замечает вокруг. Отчасти так оно и есть, но только отчасти. Тревожное предчувствие обвала, надвигающегося с неотвратимостью стихии, становится все сильнее. Правительство ведет себя нерешительно, ему явно недостает смелости, воли противостоять подымающейся разрушительной волне. В разговорах с министром народного просвещения С. С. Салазкиным Вернадский обращает внимание на это. Но все тщетно, время уже упущено.

9. X. Я указываю Салазкину, что сила правительства на психологии. Не надо бояться столкновений с большевиками и надо идти на это (Кн. 1, с. 11. Здесь и далее курсив мой. — И. М.). 16. X. Тяжелое впечатление от заседания Совета министров. Выступление большевиков; столкновение с Украиной; разруха; надвигающийся голод. Мне кажется, все-таки в правительстве нет смелости (Кн. 1, с. 21). 18. X. Правительство не учитывает необходимости ярких выступлений. Они создают силу. <...> Сейчас время людей воли. Их жадуют. <...> Атмосфера тревожная, как будто накануне гражданской войны, безумной попытки. Многие смотрят безнадежно (Кн. 1, с. 24). 23. X. Кругом у многих тяжелые переживания, близки к отчаянию (Кн. 1, с. 27).

Кризис ожидался, но как-то не верилось, что он может стать реальностью. Отчасти поэтому он пришел неожиданно.

25. X. Пишу утром 25-го. Вчерашний день неожиданно оказался днем кризиса (Кн. 1, с. 28).

Арестована часть министров Временного правительства, в их числе и Салазкины. Вернадский на правах товарища министра приступает к исполнению его обязанностей. Временное правительство переходит на нелегальное положение. Записи в дневнике прерываются и возобновляются лишь спустя неделю. Выразительная, о многом говорящая пауза...

3. XI. Кажется, целая вечность прошла после последних записей. Невозможное становится возможным и *развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление*. И в нем чувствуешь себя *бессильной былинкой*. <...> По городу *безумные* процессии победивших большевиков (Кн. 1, с. 28, 30. Курсив мой. — И. М.).

Итак, спустя несколько дней Вернадский оценивает октябрьский переворот двояко: утвердительно — как небывалую в истории катастрофу, предположительно — как новое мировое явление. Между этими оценками ставится разделительный союз *или*, чем подчеркивается их несовместимость. Надо выбирать. Торжества победителей безумны, отмечает автор, здесь же склоняясь к негативной оценке происшедшего. Эта оценка усиливается и становится все более определенной в последующих записях. Что же касается катастрофичности переворота, то ее «бессильная былинка» практически каждодневно ощущает на самой себе...

5. XI. Возможен арест — но бежать неприятно. 6. XI. Очень смутно и тревожно за будущее. <...> Впечатление — затяжного кризиса. 7. XI. Многие считают все потерянным (Кн. 1, с. 31–33).

В надежде на Учредительное собрание. Однако вопреки всему работа должна продолжаться — и она продолжается. Как и подавляющее большинство российской интеллигенции, свои надежды Вернадский возлагает на Учредительное собрание.

8. XI. Вчера днем заседание Совета министров. 9. XI. Вчера с 4-х часов дня до 8 1/2 заседание Совета министров. 10. XI. Вчера очень продолжительное и очень важное заседание Временного правительства (Кн. 1, с. 34, 36, 37).

Через два дня на дому у Вернадского собрались ответственные работники министерства, в их числе также второй товарищ министра, давний друг Вернадского, графиня С. В. Панина.

12. XI. Вчера и сегодня болен — лежу дома. <...> Сегодня у меня собрание старших чинов министерства народного просвещения: Софья Владимировна Панина, Сурин, Рыков, Палечек, Половцов, Рождественский, Радлов, Ларионов, Николай, Воронцовский, Оленев. Решили по моему предложению *подготовить обзор деятельности министерства народного просвещения за революционный период*. Теперь это важнее, чем представлялось раньше, к Учредительному собранию. Решили составить через неделю по разделам и департаментам. *Очень важно дать план, который вырабатывается* (Кн. 1, с. 40. Курсив мой. — И. М.).

Как видно из этой записи, несмотря на совершившийся переворот, работа «подпольного» Министерства народного просвещения еще не остановлена. Но, увы, отмечает Вернадский в той же записи: «Россия находится под властью Большого Кулака» (Кн. 1, с. 40), и, как следствие, оказалось сорвано практически все, наме-

чавшееся ранее. Пошла под откос разработанная Вернадским и его коллегами программа создания новых высших учебных заведений в Иркутске, Ташкенте, Воронеже, Перми, Томске, Казани, Одессе. Не состоялся намеченный на ноябрь всероссийский съезд по реформе образования, подготовка к которому уже была почти закончена. Пришлось положить под сукно планы создания Союза научных учреждений России, академий наук на Украине, в Грузии, Сибири...

Из записи день спустя, трагической и пророческой одновременно:

14. XI. Вчера опять сидел дома. <...> Масса перебивала народа. <...> Всюду и все время разговор об одном и том же. Тревожное и тяжелое настроение. <...> Софья Владимировна <Панина> рассказывала о вчерашнем заседании Совета министров. Оно было трагическим. Кончилось в 9 1/2 вечера. <...> Полная растерянность. Как верно говорит Софья Владимировна, поразительна в общем слабость и растерянность этих людей (министры!). <...> Невольно думаешь о будущем. Хочется найти выход вне случайных обстоятельств. *Эти случайности могут быть ужасны для переживающих, но поворот так глубок, что то, что за ним сохранится, само по себе огромно.* Сейчас в смысле случайностей все зависит от Учредительного собрания. Если оно будет не большевистское в большинстве, все же ясно, что унитарная Россия кончилась. Россия будет федерацией. Слишком пала воля и уважение к великороссам. Юг получит гегемонию. Роль Сибири будет очень велика. <...> Столица не Москва? <...> *Надо ждать результатов выборов в Учредительное собрание.* <...> Так как возврат к унитарной монархии невозможен, то выход один — сильные области, объединенные единой организацией, — федерация. Если Академия наук будет разрушена как целое в этом вихре — переехать в Киев или Полтаву? <...> Лавина летит, и только когда она остановится и дойдет до конца, можно начать освобождать от обломков, наводить новый порядок и т.д. (Кн. 1, с. 42–44. Курсив мой. — И. М.).

Смертельно опасные подписи. Ушедшее в подполье Временное правительство в условиях нарастающего большевистского террора вынуждено было объявить о прекращении своей деятельности и самороспуске. К публикации подготовлены два заключительных документа — обращение к гражданам России и постановление о времени и месте созыва Учредительного собрания. Вернадский еще не оправился от болезни, но готов работать, — «если не буду арестован», — добавляет он в записи 17 ноября (Кн. 1, с. 47). Между тем угроза ареста уже приобрела вполне реальные очертания.

17. XI. Вчера вышел. <...> Был в очень важном заседании Временного правительства. Подписал два акта — обращение к русским гражданам и вопрос о созыве Учредительного собрания на 28. XI. Я считаю последний акт не менее важным. Первое имеет большое значение и в международных отношениях (Кн. 1, с. 47).

Итак, 16 ноября (по старому стилю) министры и товарищи министров подписывают два последних акта Временного правительства [9]. На следующий день, 17 ноября, они публикуются в Петрограде и Москве газетами демократической ориентации, несколько позже доходят до провинции. Власти в ярости. Казалось бы, окончательно умерщвленное в дни октябрьского переворота Временное правительство вдруг, словно по волшебству, воскресает из небытия. В тот же день «Правда» и «Деревенская беднота» печатают *«Постановление о переводе в Kronstadt бывших министров Временного правительства под надзор Kronstadtского совета рабочих и солдатских депутатов»*, принятое Петроградским военно-революционным комитетом (см. [10, с. 175; 11]).

Очевидно, каков был бы финал препровождения арестованных «под надежным караулом» в Кронштадтскую крепость... Как и другие «подписанты», Вернадский вынужден скрываться.

Родные и знакомые, коллеги по Академии наук, сослуживцы и ученики Вернадского понимали, сколь опасным было создавшееся положение. В. И. Крыжановский, ученик Вернадского, писал его жене из Екатеринбурга: «Когда было опубликовано последнее воззвание Временного правительства, мы остро и больно переживали его последствия, но особенно тревожила нас судьба Владимира Ивановича. Где он, что с ним? Есть ли место, где он найдет пристанище? Господи, до чего мы дожили!» (Кн. 1, с. 225).

Поворот судьбы. 19 ноября 1917 г. стало едва ли не самой критической датой в жизни Вернадского (а «поворотных моментов» на его жизненном пути встречалось немало). В этот день он не только принимает окончательное решение уехать (может быть, правильнее будет сказать — бежать) из столицы, но и немедленно это решение осуществляет, на время оставив в городе жену и дочь.

19. XI. Сегодня не ночевал дома. Решил уезжать. Кажется, все находят, что поздно. Вчера заседание Временного правительства не состоялось. Начал готовить свой отъезд в Полтаву — может быть, удастся. По-видимому, все подписавшие уехали. <...> Закрыты все газеты, напечатавшие воззвание Временного правительства. <...> Из провинции есть сведения, что оно производит впечатление. Здесь — особенно в связи с закрытием газет — то же самое. *Я считаю этот шаг правильным. Но это тахитит того, что могло дать родине Временное правительство* (Кн. 1, с. 51–52. Курсив мой. — И. М.).

Промедли Вернадский день-два, трудно представить, чем это могло бы для него обернуться. Уже вовсю шла кампания закрытия газет, опубликовавших последние документы Временного правительства, арестовывались и препровождались в Смольный издатели и журналисты. Ведшие допросы следователи стремились выяснить, «в каком направлении и в какие места выехали бывшие члены Временного правительства и их товарищи» [12].

Через несколько дней, сделав кратковременную остановку в Москве, Вернадский приезжает в Полтаву, где проживали его троюродный брат В. Г. Короленко и брат жены Г. Е. Старицкий. Последняя, сделанная в день отъезда из Петрограда, запись в дневнике заканчивалась словами: «Придется перейти через кризис» (Кн. 1, с. 52). Слова эти оказались провидческими, но автор не мог предположить и малой толики тех тяжелых, если не сказать больше, испытаний, которые уже в ближайшее время выпали на его долю, и не только на долю его одного...

Ужасное время. Ситуация, сложившаяся к 1917 г. как в мире в целом, так и в России в особенности, в общем оценивается Вернадским крайне пессимистично. «Мир злобы, ненависти, крови выпал нам на долю», — отмечает он накануне отъезда из Петрограда в записи 18 ноября (Кн. 1, с. 51). В последующем эти оценки и настроения усиливаются под влиянием фактов и личных переживаний и наблюдений за текущей жизнью.

28. III. 1918. Полтава. Сегодня утром сценка — характерная. Из занятого солдатами (большевиками) Земельного банка группа солдат, молодых, откормленных, хорошо одетых. Один с биноклем (на вид театральным, должно быть, краденым). Яркий идеал сытых свиней: обжорство, пьянство, зрелища, свадьбы. Чисто буржуазный, но без труда. Безделье царит. Семечки, театры, кинематографы, хироманты, внешний лоск, грабят, где можно, трусость перед вооруженными и смелость перед

безоружными. Тяжела социалистическая революция своим насилием и неравенством. Несоциалисты — парии и илоты в государстве. Гражданские права, не только политические, являются привилегией граждан, определенным образом думающих. <...> Чувство полной власти всяких грабителей. <...> Живешь, все время чувствуя насилие (Кн. 1, с. 64). 19. IV. 1919. Киев. Уже больше года выброшен из Петрограда. Вторая Пасха. Прошлую — в Полтаве. И все впереди еще нет никакого выхода, и все по-прежнему задыхаешься в мешке (Кн. 1, с. 134). 29. V. 1919. Киев. Давно не писал. И болен был, и тяжело записывать среди террора и бессмысленных переживаний средневековой жизни. Кругом в обществе и народе все больше накапливается ненависти, безразличия к жизни, тупого отчаяния. Подымаются дикие инстинкты самосохранения. Напоминает то, что должны были переживать культурные народы и общества, когда захватывали их другие завоеватели, с иной идеологией. Мне все больше всего напоминает происходящее завоевание культурного греко-римского мира магометанством, времен халифата (Кн. 1, с. 136). 1. X. 1919. Ростов. Ужасное время — всюду раздор, кровь — поднялись силы разрушения и ненависти (Кн. 1, с. 162).

Бытовые условия жизни Вернадского, в обстановке всеобщей разрухи и хаоса лишенного вместе с семьей постоянного пристанища, были крайне тяжелы. Положение усугублялось тем, что по своим текущим академическим, научно-организационным, хозяйственным и финансовым делам, связанным прежде всего с нуждами становящейся на ноги Украинской академии наук, а затем и Таврического университета, ему приходилось многократно переезжать из одного места в другое, попеременно оказываясь на территории, занятой то белыми, то красными (чаще — белыми). В условиях крайне нестабильной и переменчивой обстановки охваченных гражданской войной Украины и юга России, развала транспорта, распространения болезней, принимавших форму эпидемий, жизнь Вернадского, как и его близких, часто подвергалась серьезной опасности.

24. III. 1918. Полтава. Пишу. Дома все спят. А на улице — треск пулемета. <...> Как странно — слышать пулемет и не знать, происходит что-либо в городе? Мы живем на окраине, в глухом переулке, и наша комната во дворе. Но всегда могут и ворваться, и мы чувствуем себя во власти разбойников (Кн. 1, с. 62). 13. XII. 1919. Ростов. Как все быстро меняется! Киев — Харьков — Полтава опять большевистские, и я очутился в какой-то новой окраине. Куда ехать: Крым или Ростов? И чем жить? (Кн. 1, с. 191). 25. XII. 1919. Ростов. В городе тревога все увеличивается. Увеличивается паника, и полное отчаяние у многих. Куда бежать? Где скрыться от большевиков и их ужасов — грабежей, пыток, расстрелов? Слухи самые мрачные распространяются по городу. <...> Сегодня еду в Екатеринодар. Бегал в возне с билетами. Всюду хвосты. Жизнь совершенно расстроилась. Не только нельзя купить самые обычные вещи, но и нельзя заказать. Несколько дней назад хотел заказать брюки из готовой материи — берутся только после Рождества. Отдать в мытье белье можно только при протекции, а обычно приходится долго ждать (Кн. 1, с. 195–196). 26. XII. 1919. Ростов. На вокзале. Путаница. Никто ничего не знает. Поезда нет. <...> Можно, как при большевиках, человечески существовать и двигаться лишь при больших связях и больших деньгах. <...> До боли чувствую тяжесть такой невероятной жизни... Хочется на вольный воздух из подземелья (Кн. 1, с. 197–198). 15. I. 1920. Пароход «Ксения». Впереди сумрачно и, может быть, приходится вновь начинать новый период моей жизни. <...> Многие ждали ужасов, но не таких, какие произошли (Кн. 2, с. 10, 11). 2. V. 1920. Симферополь. Жизнь становится все труднее. Безумная дороговизна, принимающая катастрофический ха-

рактер. Люди получают ежемесячно в денежных знаках то, что они раньше получали годами. Кругом все устали. Ужасно жить без угла. Вот уже три года, как у нас нет дома. Почти без вещей, все у чужих или сдвинутые в «уплотненных квартирах». Это уплотнение всюду, реквизиции всюду, и люди, наконец, начинают изнывать от такой жизни. Революция — и особенно большевизм ужасны именно таким влезанием в душу, в самое интимное, грабеж начинается всего, причем едва ли есть дом и квартира, которые остались бы за это время нетронутыми... (Кн. 2, с. 73–74).

Тифозная вошь, не разбиравшая, где белые, а где красные, скоро стала общенациональным злодеем. Не миновала чаша сия и Вернадского, и его близких... Особенно тревожным стал конец 1919 г.

22. XII. 1919. Ростов. Здесь всюду тиф. Все слышишь о заболеваниях и смертях. <...> Невольно начинаешь нервничать — все кажется, чтоловишь вшей. **31. XII. 1919. Ростов — Екатеринодар.** Из Ростова бегут. Там и тут разносится тиф. У меня на пальто носильщик поймал вошь — и, может быть, их много, и, может быть, я уже заражен, как заражены окружающие. Кругом в Ростове всюду больные. Больницы переполнены (Кн. 1, с. 194, 199).

Против смертельной опасности Вернадский пытается обратить силу науки, естественно той ее части, которой он занимался профессионально, прежде всего — статистического анализа химического состава живых организмов, в данном случае насекомых-паразитов, зная результаты которого можно было надеяться выработать в отношении них соответствующие противоядия. Так, однажды оказавшись в районе расположения большевистских воинских частей, Вернадский обращается к начальнику Главного санитарного управления Красной армии с официальным письмом, в котором содержалась просьба выслать ему для биохимического анализа в специальной упаковке 1 килограмм живых вшей, обнаруженных на теле и в одежде заболевших тифом красноармейцев; просьба сопровождалась соответствующими методическими инструкциями по сбору, хранению и транспортировке насекомых (письмо хранится в Архиве РАН).

У края гибели и Возрождения. 21 января 1920 г. Владимир Иванович приезжает в Горную Щель — дачу близ Ялты с давних пор дружественного Вернадским семейства Бакуниных. Здесь разворачиваются события трагические по сути, но глубина и духовный смысл которых вряд ли когда-нибудь будут до конца разгаданы.

Начало было более чем прозаическое. На одежде Вернадского были обнаружены вши. Верхнее и нижнее платье сразу было продезинфицировано домашними. Увы, тщетно...

2 февраля произошел резкий скачок температуры — до 39°. Затем — потеря способности общаться с окружающими. Однако мозг продолжал интенсивно работать...

Спустя только месяц началось медленное возвращение к жизни.

9. III. 1920. Горная Щель. Не писал более месяца. Перенес сыпной тиф. И сейчас нахожусь еще в состоянии выздоровления. Слаб. Пишу всего 1/2 часа — в первый раз. Мне хочется записать странное состояние, пережитое мною во время болезни (Кн. 2, с. 30–31).

Это состояние Вернадский описывает последовательно 9, 11–16 марта 1920 г., и занимает оно более 20 страниц типографского текста (Кн. 2, с. 30–52).

«Я чуть не умер», — вспоминал много лет спустя Вернадский (см. [13]. Курсив мой. — И. М.). Это действительно так (умерли от тифа князь Е. Н. Трубецкой, друг

Вернадского, провожавший его в порту Новороссийска в Ялту, и врач, лечивший Вернадского в Горной Щели во время его болезни). Но только этой сугубо «физической» констатацией дело никак не ограничивается. В единственно истинном и приемлемом *духовном* плане речь может — и должна — идти о некоей загадочной *Малой жизни*, прожитой в жизни *Большой*, — но жизни, «малой» очень условно и относительно, в чем-то несомненно превышающей «нормальную» земную жизнь, над нею возвышающейся. Создается впечатление, что здесь, в своих болезненных сновидениях «между жизнью и смертью», Владимир Иванович поверил в космический Разум, во вселенское могущество, в доброту которого он верил до конца своей земной жизни.

Более чем реальная угроза земной гибели стала некоей стартовой площадкой мощного интеллектуального подъема, духовного Возрождения. «Я почувствовал в себе демона Сократа», — записал Вернадский в дневнике после болезни (Кн. 2, с. 32). Под знаком этого «демона» и протекала вся последующая жизнь Владимира Ивановича...

* * *

Преодолевая выпавшие на его долю испытания, В. И. Вернадский, естественно, ищет ту *точку опоры*, благодаря которой он сможет сохранить свою индивидуальность, утвердить себя как личность. Эту точку опоры он находит *в себе самом*. «Лишь жить в себе самом умей», — вспоминает он любимого им Тютчева, — и следует (по крайней мере, старается следовать) этому правилу. «Опору в жизни я нахожу только в самом себе, и только в глубине своей личности я считаюсь в своих моральных решениях. Сейчас я чувствую, когда я опираюсь на самого себя, что я как бы углубляюсь в какую-то глубь, в какую-то бесконечность, и этим путем нахожу такую опору в своих решениях в окружающей жизни — на поверхности, какой не ожидал. Точно в окружающей меня бурной стихии я сижу на прочной и неподвижной скале» (Кн. 1, с. 155).

Однако для Вернадского жизнь *в себе* неотделима от жизни *для других* — в противном случае она лишается всякого смысла и морального оправдания. Это *органическое, естественное соединение внутреннего и внешнего* способно дать только *творчество* — в данном случае творчество *научное*. К такому соединению стремятся все эти трудные годы Вернадский, его он реализует вопреки всем испытаниям и препятствиям...

Работаю много над живым веществом. И здесь нахожу опору. <...> У меня сейчас такое чувство, что надо отдавать себя жизни не только организационной или планам, но творческой в самом подлинном смысле, в создании духовных ценностей, исходящих от человеческой личности, а не от тех или иных форм государственной или общественной жизни. В отличие от моего обычного настроения, мне хочется раскрыть свою личность, свои мысли, свои знания, все духовное содержание моей природы до конца, в полной силе, а не сдерживать и ограничивать ее проявления. <...> Надо найти и нахожу опору в себе, в стремлении к вечному, которое выше всякого народа и всякого государства. И я нахожу эту опору в свободной мысли, в научной работе, в научном творчестве. <...> Неожиданно выяснилась возможность принять участие в организации широких исследований Азовского моря и Кубани. Может быть, и Дона. Для меня эта работа чрезвычайно интересна в связи с живым веществом. Сама судьба дает в мои руки возможность приложить проверку моих выкладок в широком масштабе. Я сейчас полон всяких планов организации, если это удастся. <...> Надо идти смело в новую область, не боясь того,

что уже в мои годы кажется поздним. <...> Чем дальше работаю, тем более охватываю природу и больше является новых и новых вопросов. <...> Много научно работал, и это главная часть моей жизни (Кн. 1, с. 57, 62, 90, 133, 192).

Парадоксально, но факт — именно в эти труднейшие в жизни Вернадского годы им закладываются основания новых наук — и не только отдельных наук, но фактически целой *естественно-научной мировоззренческой системы*, которая стала важнейшей частью оснований современной науки, — не только естествознания, но и человеко- и обществознания. Разгадать этот удивительный феномен нелегко... И, может быть, разгадка его отчасти находится в области иррационального, тех его таинственных лучей, которые скрещиваются между собой в некой точке под названием *миг, мгновение*...

В жизни человека иногда настоящей жизнью является один *миг* (выделено В. И. Вернадским. — И. М.). Но из-за этого мига, какую бы разнообразную форму он ни принял (а он может принять самую бесконечно разнообразную форму), вся жизнь человека приобретает иной смысл. Этот миг, иногда, будет ли это глубокий порыв Эроса в разных формах, религиозного переживания и углубления, подвига самозабвения и любви к другим, художественного проникновения или научного творчества или чего-либо другого — философского понимания или действенного проявления личности — безразлично — *есть часть того вечного, что строит сущность живого вещества, одним из проявлений которого мы являемся*... (Кн. 1, с. 62–63. Курсив мой. — И. М.).

Размышления Вернадского об окружающей жизни прямо или опосредованно, скрыто или явно перекрещиваются в одном и том же фокусе, что, при всем разнообразии и богатстве их, придает им внутреннюю цельность, я бы даже сказал — системность. Этот фокус — *судьба России*.

Это — особая тема дневников, которая рассматривается автором и в историко-культурном времени, и в социальном и природном пространстве. Ей подчинены и ее конкретизируют и развивают такие обсуждаемые Вернадским фундаментальные проблемы, как: русский народ и российская государственность; общекультурные условия единства России; русское освободительное движение в недавней истории России и в ее настоящем; русская интеллигенция в прошлом, настоящем и будущем России; федерализм на российской почве; областное самоуправление и центр; Россия и Украина и др.

При всей трагичности создавшегося положения, Вернадский *верил в грядущее возрождение России*. Наступление этого возрождения он считал *неизбежным*. Как видно по дневникам, на протяжении трех с половиной лет эта вера подвергалась серьезнейшим испытаниям на прочность. Временами — это надо признать — она колебалась, иногда — очень основательно, что само по себе, конечно, неудивительно. Но по сути *никогда* автор дневников этой вере *не изменял*. Психологически накрепко связывая себя с Россией, Вернадский в то же время был начисто лишен псевдопатриотического эгоцентризма, в социально-историческом контексте определенно *отделяя* личную свою судьбу, как и судьбу своих близких и своих соотечественников, от судьбы русского народа и России как целого. Вера в это *целое* неизменно поддерживала его и в самые тяжелые моменты жизни. Глубинную сущность этой веры он лаконично и точно выразил в одном из писем к своему ученику: «Тяжело — но если не для нас, то для России я верю в хорошее будущее» (см. [14]. Курсив мой. — И. М.).

Гражданскую войну, разрывавшую Россию на части, ее обескровливавшую,

Вернадский оценивал как величайшее национальное бедствие, как безусловное и абсолютное зло, несчастье... Понятно, иными его оценки быть не могли. Ничуть не снимая ответственности ни с династии Романовых, русского дворянства, Временного правительства, русских либералов и себя лично, — *главного виновника*, развязавшего невиданную в российской истории междоусобицу, Вернадский определенно видел в *большевизме*. Естественно поэтому, что тема *русского большевизма как социально-исторического и психологического феномена* является в дневниках одной из центральных. В своих размышлениях о большевизме Вернадский обращается, нередко многократно и в разных контекстах, к таким вопросам, как: истоки и природа большевизма; народ и большевики; русское освободительное движение и большевизм; большевики и черносотенцы; большевики и евреи; большевики у власти; большевики и красный террор; большевики и русская государственность; противоречия и будущее большевизма и др.

В последние недели своего пребывания в Крыму Вернадский стал свидетелем страшного террора, развязанного большевистской властью. Об этом — ряд записей в его дневнике, читать которые нелегко. Характеризуя режим, сложившийся после победы большевиков на юге России и в Крыму, Вернадский писал вскоре после отъезда из Симферополя:

Ни малейшего улучшения не замечается. Жизнь все более разрушается. <...> Идут аресты, усиливается голод и холод, растет чиновничество. Удивительна бедность творчества. Действует серая толпа — бедных духом коммунистов. <...> Нет веры и нет никаких проявлений идейного у власть имущих. Мне кажется, сейчас режим создан двумя течениями с разными корнями — с одной стороны, гипертрофированной полицией старого режима (от «идейных» жандармов Николая I) — с другой, русского «революционного» движения с его целью оправдывает средство (аморализмом) и пренебрежительным отношением к свободе. Этот синтез наблюдался и раньше (нечаевщина и т. п.). Все идейное коммунистическое движение пронизано гангреной аморализма и примазывавшимися к нему людьми — может быть, более сильными, чем оно — политической розыскной полицией и уголовной (Кн. 2, с. 124—125).

Однако и порядки, устанавливавшиеся в белом стане, также отнюдь не приводили Вернадского в восторг. Одну из причин поражения белых в гражданской войне он видел в том, что яд большевизма стал со временем заражать также и «добровольцев»...

Поразительны большевистские приемы и большевистские настроения среди широких слоев офицерства Добровольческой армии. <...> Разрушается культура: гибнут культурные работники и полное безразличие. Невежественная масса большевистской демократии в этом отношении вполне отвечает невежественной массе добровольцев (Кн. 2, с. 18, 77).

Взаимоистребительная война с ее ужасами и сопутствовавшие ей красный и белый террор буквально приводили Вернадского в отчаяние. Размышляя над сложившейся ситуацией, он надеялся найти выход на пути *примирения враждующих сторон*, хотя и отдавал себе отчет в изначальной обреченности таких попыток.

Нельзя ли найти возможности объединения войск красных и белых? Или это у меня утопия? Я не решаюсь эту мысль и высказывать. <...> Нельзя длить вооруженное междоусобие. Для меня ясно, что длительный процесс — гибель России.

Пока две русские армии дерутся — чужаки расколят всю нашу территорию. Надо найти выход. Какое-нибудь соглашение с командованием Красной армии? <...> Сейчас надо искать примирения, а не раздора (Кн. 1, с. 187, 190; Кн. 2, с. 73).

Продолжая неуклонно следовать своей принципиальной линии поведения — при всех и всяких условиях и режимах во главу угла ставить прежде всего интересы науки и культуры — Вернадский вступает в деловые контакты с властью имущими без различия их «окраски», лишь бы извлечь какую-то пользу для Украинской академии наук, Таврического университета, ученых комиссий, библиотек, музеев, облегчить положение ученых, преподавателей, студентов... В Киеве он встречается с гетманом Украины П. П. Скоропадским, командующим войсками Киевской области генералом А. М. Драгомировым, наркомом просвещения в большевистском правительстве Украины В. П. Затонским; в Ростове — с главкомом Добровольческой армии генералом А. И. Деникиным; в Севастополе — с главкомом Русской армии генералом П. Н. Врангелем, председателем Совета начальников управлений крымской администрации А. В. Кривошеиным; в Симферополе — с председателями Крымревкома Б. Куном и А. М. Лиде, председателем Крымского ЦИК Ю. П. Гавеном.

Весьма благоприятное впечатление выносит Вернадский от встреч с А. И. Деникиным, П. Н. Врангелем, В. П. Затонским. Отвращение вызывает у него красный палач — организатор крымской резни Бела Кун.

В течение двух десятилетий на рубеже XIX–XX вв. В. И. Вернадский играл видную роль в оппозиционном движении российских либералов — движении, в котором академическая и вузовская интеллигенция, к которой он принадлежал, занимала далеко не последнее, если не лидирующее, положение. Вернадский приветствовал Февральскую революцию, оценивая ее как поворотный момент в борьбе за торжество идеалов либерализма и демократии. Однако по мере развития событий разочарование росло все больше, а *октябрьский переворот положил начало коренному пересмотру прежних стремлений и ценностей*, что нашло отражение в дневниках 1917–1921 гг.

10. XI. 1917. Петроград. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки (Кн. 1, с. 38). **16. XI. 1917. Петроград.** Безумие может наделать демократия при отсутствии подготовки к ней народных масс, как мы это видим теперь (Кн. 1, с. 46). **24. III. 1918. Полтава.** Нельзя было и представить себе, чтобы было возможно то, что случилось и пришлось пережить России: попала во власть людей из Мертвого Дома Достоевского. <...> Ужасы Глухова, Севастополя, Симферополя, Ростова и Новочеркасска, Кронштадта и Свеаборга, и Кунгура и тысячи мест. Масса замученных и избитых, истерзанных людей... Какой ужас и какое преступление. И какая без героев и каторжная русская революция. Сразу погибла не только вековая историческая задача русского государства — конституционность, еще недавно казалась близкой. Но погибла и народная вековая задача — земля (Кн. 1, с. 61). **1. IV. 1918. Полтава.** Сейчас, как в исторической перспективе, видишь, что Достоевский и его близкие были много правее и более здраво смотрели на исторический процесс: нигилизм, порицание и пренебрежение к государственным устоям и *государственному идеалу* (выделено В. И. Вернадским. — *И.М.*) привели нас и к разрушившему Россию социализму, и к его разности — большевизму. Старые боги — Чернышевский, все прогрессивное русское движение 1860–1910 годов должно быть сброшено. Надо произвести в умах идейную чистку. То настроение, которое было в части русского общества в 1863 году и было покрыто здоровым государственным чутьем, победило в 1918

году, и мы видим последствия (Кн. 1, с. 67). 1. V. 1918. Полтава. Первое мая! Как далеко это (выделено В. И. Вернадским. — И. М.) первое мая от того, которое было в прошлом году! Когда мы все участвовали в первом мае, надеясь, но не веря, что есть что-то твердое, возрождающее в совершившемся вокруг нас бедлам. Мы хотели верить в русскую революцию, в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем. А у меня все более и более поднимается презрение! (выделено В. И. Вернадским. — И. М.). <...> Теперь жизнь — разбивает старые убеждения и выявляет ошибочность жизненной деятельности! Не должен ли я смело, беспощадно и откровенно идти по пути полной переоценки своих убеждений и убеждений близких? (Кн. 1, с. 76–77). 7. V. 1918. Миргород. Невольно приходится касаться тяжелых вопросов — переработки идеалов жизни. Короленки переживают тоже многое тяжелое в связи с переоценкой ценностей и реальности. (Кн. 1, с. 80). 4. VI. 1918. Киев. Хочется мне набросать ряд мыслей и призывов в связи с переоценкой ценностей и вызвать эти настроения у широких кругов (Кн. 1, с. 90). 17. VIII. 1918. Киев. Так ярко я чувствую — необходимость полного пересмотра основ своего мировоззрения. Я не верю в эти основы — ни народная воля, ни всеобщее право, ни социализм, ни интересы бедных и «униженных» сейчас не могут представлять для меня никакого значения. Из-за них и для них жить не стоит. Неужели можно переживать такой развал государства, ничем не нарушив своих идеалов (Кн. 1, с. 120). 29. V. 1919. Киев. Удивительна ирония судьбы — к чему пришло русское освободительное движение — к полному попранию человеческих условий существования (Кн. 1, с. 136). 26. V. 1920. Салгирка. Плодовая станция. Все время вдумываешься в происходящее. Слухи о взятии Киева большевиками. Я все глубже чувствую глубину происшедшей перемены. Огромно социальное изменение. В народных массах надеялись — и чувство собственного достоинства, и желание лучшей жизни. Пока — а может быть, и дальше? Только самое грубое: *rapem et circenses* <хлеба и зрелищ>, но и в той среде, которая работает. Это не может быть забыто, и возврат к прошлому невозможен. Новый строй приладится к новой сильной среде — к совбурям, спекулянтам и полуинтеллигенции. Они могут пожелать и царя и, думаю, будут создавать сильное государство. Свободы будет мало. А социализм выльется в то, что благами жизни будут пользоваться большие круги и другие люди, вышедшие из народа. Идея, мне кажется, погибла (и думаю — слава богу). Но поразительно серая новая Россия. Все силы должны быть направлены к охране научной творческой работы. Надо приспособливаться к среде, строя свое, может быть, даже ей не доступное по сути. Равенство есть фикция (Кн. 2, с. 81–81). 30. VIII. 1920. Симферополь. Русское «освободительное» движение было по существу рабье движение. Идеал — самодержавный и крепостнический строй. Сейчас по отношению к своему народу чувствуешь не ненависть, а презрение. Хочется искать других точек опоры. Для меня исчезает основа демократии (Кн. 2, с. 97–98). 10. IX. 1920. Симферополь. Русское освободительное движение теперь мне представляется чем-то мутным, наполненным насилием и ложью. Большеизм — его законное детище (Кн. 2, с. 102).

Естественным итогом переоценки ценностей, осознания бессилия что-либо изменить в фатальном течении событий стал окончательный отход Вернадского на рубеже 1920–1921 гг. от политической деятельности. Важным шагом на этом пути был выход его в конце 1918 г. из ЦК кадетской партии после избрания президентом Украинской академии наук: Вернадский считал, что исполнение обязанностей президента сугубо научного, общечеловеческого и внепартийного по своей природе учреждения принципиально несовместимо с членством в руководящих

органах политической партии. Эту линию поведения Вернадский последовательно выдерживал и в последующее время, уйдя всецело в научное творчество.

Понятно, в настоящем очерке невозможно было даже бегло коснуться множества социально-исторических, философских, религиозно-этических, историко-научных, автобиографических тем и проблем, нашедших в той или иной степени отражение на страницах дневников В. И. Вернадского 1917–1921 гг. На исходе XX в. актуальность их для всех нас несомненна, как очевидна и их историческая ценность. На мой взгляд, работу над обеими книгами следует продолжить, разрабатывая новые архивные материалы, углубляя и совершенствуя комментарии. Благо, основа для дальнейшего успешного продвижения вперед заложена вполне добротная.

Литература

1. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1.
2. *Вернадский В. И.* Мысли. 1920–1931 // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 162.
3. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.
4. В. И. Вернадский. Материалы к биографии // Прометей. Т. 15. М., 1988.
5. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 32.
6. *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. М., 1982.
7. *Сытник К. М., Апанович Е. М., Стойко С. М.* В. И. Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. Киев, 1988.
8. *Аксенов Г.* Вернадский. М., 1994.
9. *Вернадский В. И. и др.* От Временного правительства // *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 299–301.
10. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 3. М., 1967.
11. *Мочалов И. И.* Ко всем гражданам Российской республики // Огонек. 1991. № 21. С. 10–13.
12. Свободная Речь. 1917. 19 ноября.
13. *Вернадский В. И.* Из воспоминаний. 1943. Архив Кабинета-музея В. И. Вернадского Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН.
14. *Вернадский В. И.* Письмо Я. В. Самойлову от 3 января 1918 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 2002. Л. 10.